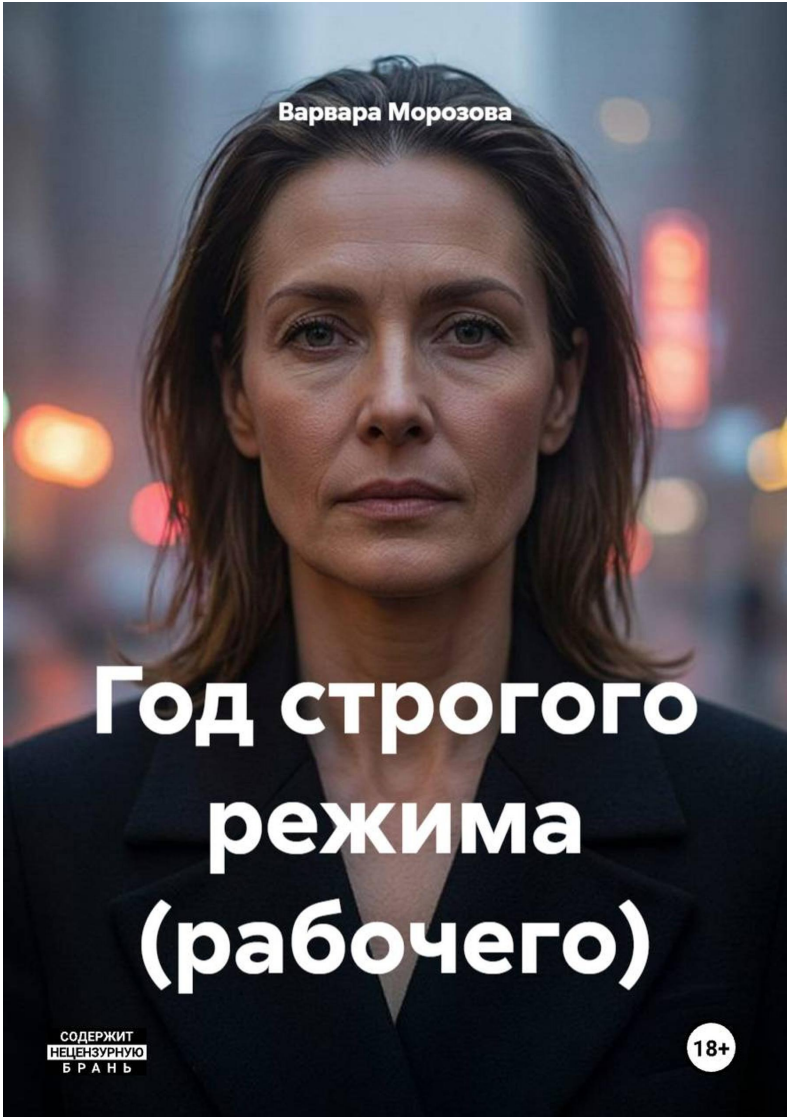

Варвара Морозова
Год строгого режима (рабочего)
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Варвара Морозова

Год строгого режима (рабочего)

https://litres.ru/74729947
SelfPub; 2026

Аннотация

В 50 лет жизнь не заканчивается, но что делать, если её нужно построить заново с нуля? Без связей, без иллюзий и без права на ошибку.

У главной героини этой истории есть чёткие цели и ровно один год, чтобы их достичь. Для этого ей предстоит пройти жёсткую проверку на прочность — устроиться на новую работу и продержаться там ровно 365 дней.

Где каждый новый будний день здесь превращается в тихую, но изматывающую борьбу: с накатывающей усталостью, собственными страхами, неуверенностью, и, конечно, с новым коллективном, в котором нужно как-то прижиться и стать своей.

Это хроника одного рабочего года обычный женщины, которая упрямо идёт к своей цели.

Честная, глубокая и реалистичная история без «розовых очков», прикрас и фальши.

Только честный жизненный опыт, знакомый каждому, кто хоть раз находил в себе силы начать всё сначала.

Варвара Морозова
Год строгого режима (рабочего)

Дисклеймер

Настоящее произведение является полностью художественным вымыслом. Все персонажи, названия организаций, должности, описываемые события, диалоги и географические локации являются плодом фантазии автора (за исключением общеизвестных и публичных объектов).

Любое сходство с реальными людьми (живыми или умершими), действующими компаниями, брендами или реальными событиями является абсолютно случайным и непреднамеренным. Автор не имел цели оскорбить чьи-либо чувства, задеть чужую честь, достоинство или деловую репутацию.

Повествование ведётся от первого лица исключительно как художественный приём и не является автобиографическим документом.

Пролог

Мне пятьдесят три. В кино успешные и состоявшиеся мужчины в этом возрасте обычно ездят на дорогих авто, сидят в безупречных костюмах на верандах своих роскошных особняков, пьют виски и вальяжно рассуждают о смысле жизни. Рядом с ними — такие же холеные, уверенные в себе, красивые женщины, окруженные детьми и внуками. К этой категории «успешных и благополучных» я по привычке причисляла и себя.

Я тоже рассуждаю о смысле жизни. Но сижу при этом в комнате четыре на три метра, на дешевом офисном стуле. А напротив меня сидит девочка из отдела кадров. Ей максимум двадцать пять. По возрасту она годится мне в дочери, но прямо сейчас она — вершитель моей судьбы.

В моей прошлой жизни я была предпринимателем. Сама открывала бизнес в жесткие девяностые, когда фабрики и заводы закрывались, а люди тысячами оставались на улице без средств к существованию. Я сама нанимала сотрудников, сама считала прибыль, сама платила налоги и знала изнанку российского бизнеса с самых низов.

В детстве, прошедшем в условиях тотальной экономии, когда в доме не хватало денег даже на еду, я пообещала себе вырваться из этой нищеты. Рано пошла на завод, работала в три смены, получала больше мамы. Этот опыт стал мо-

ей главной мотивацией: пока есть силы, я сделаю всё, чтобы вывести семью на другой уровень. Я мечтала о финансовой свободе, о стабильности. Хотела, чтобы у моих детей было благополучное детство.

Я отдавала работе всю себя, практически жила там. Но жизнь умеет бить наотмашь. Сначала годы тяжелого ухода за умирающей от рака бабушкой. А чуть позже — новость, над которой сегодня мне хочется просто горько посмеяться. У моего первого мужа на стороне родился ребенок. Какая ирония: для меня это известие стало сокрушительным ударом, в одночасье перечеркнувшим всю мою веру в семью, а для бывшего — величайшей радостью и началом его новой, чистой страницы.

Следом, как домино, посыпался бизнес: закрылось одно дело, за ним другое. Развод. Мы с детьми остались без копейки, буквально не на что было купить еды, выживали только благодаря помощи бывшей свекрови. Жизнь не просто ударила — она методично отобрала всё, на что я опиралась.

Позже случился второй брак.На этот раз я решила стать идеальной женой, раствориться в семье, доме и чужих интересах. Но и здесь, спустя десять лет, меня ждало фиаско. И дело даже не в том, что мой колоссальный труд обесценивался ежедневно. Самое горькое — это происходило с моего собственного молчаливого согласия. Я сама превратила себя в обслуживающий персонал для чужих мечтаний, добровольно задвинув свою жизнь на задворки своей жизни.

Мы ехали по узкой, петляющей проселочной грунтовой дороге, и в машине, как обычно, стояло удушливое, тяжелое молчание. Я сидела на пассажирском сиденье, отвернувшись к окну, чтобы не видеть холодного профиля человека рядом. За окном проносились загородные пейзажи, и вдруг мы поравнялись с ухоженной, процветающей фермой.

Я опустила стекло. В салон ворвался резкий, упоительный и живой запах свежескошенной травы. Там, за аккуратной изгородью, под лучами солнца золотились идеальные, плотные стога сена. Это была картинка абсолютной гармонии, порядка и созидания. Настоящая, осязаемая, наполненная смыслом жизнь — но совершенно другая жизнь, к которой я не имела никакого отношения.

Я проводила эти стога долгим, застывшим взглядом. Провожала, пока ферма не скрылась за поворотом, а в лицо снова не полетела дорожная пыль. И именно в эту секунду внутри меня взорвался один горький, кристально чистый инсайт: мои мечты сбываются у других людей. Прямо сейчас кто-то строит свой мир, собирает свой урожай и дышит полной грудью. А я сижу в чужой машине, рядом с чужим человеком,и у меня нет сил на то, чтобы жить.

В этот момент в салоне стало окончательно нечем дышать. Спазм перехватил горло. И именно там, на пассажирском сиденье, под монотонный гул шин, во мне созрело окончательное, твердое решение: мне нужно уехать. Бросить всё, оставить все как есть и вырваться отсюда хотя бы в отпуск,

на один месяц. Просто чтобы не сойти с ума. Просто чтобы вспомнить, как звучит мой собственный голос.

И вот я здесь, на рынке труда, который превратился для меня в параллельную вселенную. Девочка-HR смотрит в моё резюме, из которого я заботливо вымарала половину своего управленческого опыта — ведь топ-менеджеров моего возраста система даже не рассматривает, освобождая места для молодых. Но год рождения не спрячешь. Она сочувственно улыбается и задаёт шаблонный вопрос из модной книжки по менеджменту:

— Скажите, а кем вы видите себя в нашей компании через пять лет?

Я смотрю на её безупречный маникюр. Внутренний калькулятор мгновенно выдаёт ответ: через пять лет, милая, мне будет пятьдесят восемь. И в нашей реальности у человека в пятьдесят восемь задача одна — чтобы его просто не уволили. Чтобы не подвели спина и ноги, а руководство не вспомнило о тебе при сокращении. Но правила игры требуют другого сценария. Я мягко улыбаюсь в ответ, принимая условия этой театральной постановки:

— Я вижу себя надежным сотрудником, который помогает компании расти.

Она кивает, обещает перезвонить и, конечно же, пропадает навсегда. После десятого такого отказа понимаешь: для этой системы в свои 50+ ты невидимка. Списанная кляча. Автоматические роботы сайтов вакансий отсекают тебя по

дате рождения. Им не нужен твой опыт выживания в кризисы, им нужны «молодые и амбициозные».

Когда затянувшийся отпуск в родном городе обернулся тем, что второй муж официально лишил меня всякого финансирования, а в кармане образовался абсолютный ноль, пришло время принимать решение. Кушать хочется каждый день, а честный труд — не позор. Позор — это сидеть на диване и ныть, что мир несправедлив. Я сменила свои привычные вещи на рабочую форму и пошла продавцом в магазин у дома, вывеска которого просто удачно подвернулась на улице. Нужно было выживать и платить за жилье.

Так началась моя новая жизнь по ту сторону прилавка. И, честно говоря, здесь оказалось гораздо интереснее, чем на всех их дурацких собеседованиях…

Меня зовут Анна. За плечами — рухнувшие браки, впереди — полная неизвестность. У меня есть два пути: либо прямо сейчас заползти под диван и провести остаток дней в самом темном углу, сокрушаясь о том, как я докатилась до такой жизни. Или выяснить, как заново собрать себя всего за один год и прийти к своим истинным целям.

Спойлер: я выбираю второе. И мне очень не хочется, чтобы в финале мне было стыдно.

ГЛАВА1. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА В КОТОРУЮ ПРИШЛОСЬ ВЕРНУТЬСЯ.

Спойлер: я выбираю второе. Из двух извечных путей — сдаться на милость обстоятельствам или затеять самую гран-

диозную, болезненную и честную ревизию своей жизни — я выбираю борьбу. Я выбираю пересборку. И больше всего на свете мне не хочется, чтобы в финале этого года, подводя итоги, мне было мучительно стыдно перед самой собой. Перед той девочкой, которой я когда-то была, и перед той женщиной, которой я искренне стремлюсь стать.

Хотя, если быть до конца честной, стыдно мне уже сейчас. Этот стыд — не внезапный гость, не новая эмоция, заставшая меня врасплох. Он просто вернулся домой. Вместе со мной. Он долго бродил за мной по пятам, прятался в складках дорогих пальто, маскировался под усталость и стресс, а теперь, наконец, обрел свою истинную, первозданную форму.

Мой план под кодовым названием «Пересборка» начинается не с красивого блокнота, не с вдохновляющих аффирмаций и не со звонка карьерному коучу. Он начинается с жесткой, отрезвляющей реальности: с билета в плацкартный вагон до города, из которого я уехала ровно десять лет назад. Уезжала гордо, шумно, сжигая за собой мосты и пафосно пообещав себе никогда — слышите, никогда в жизни! — сюда не возвращаться.

Но… дом моего мужа, в который я вложила столько сил, любви и тепла, незаметно превратился в поле холодной коммунальной войны. Мы с мужем давно перестали быть семьей. Мы стали соседями — но самыми худшими, чужими и враждебными друг другу соседями, какие только могут ока-

заться под одной крышей.

В какой-то момент я наконец услышала настоящую речь — то, что мне явственно, изо дня в день давали понять: в этом доме я никто. Возвращаясь к реальности, когда всё уже отболело и отплакало, ты начинаешь ясно понимать, что на самом деле происходило. То, что ты годами отказывалась понимать и слышать, искусно подменяя чужой текст своими иллюзиями. Мой второй брак стал местом, где у меня не было права голоса, права на уважение, на любовь. Права просто быть. И это было самым болезненным ударом, потому что для этого дома и для всех его обитателей я сделала так много.

Я сама себя загнала в ловушку, пока искала правых и виноватых, пока давала шансы, пока прощала. Вся моя жизнь превратилась в круглосуточное, изнуряющее обслуживание чужих эгоистичных планов, чужого комфорта и чужих амбиций. Я была бесплатным архитектором чужого благополучия. А на мои собственные мечты, на мои цели и желания в моей же собственной жизни никогда не оставалось ни времени, ни ресурсов, ни сил. Они просто откладывались на вечное, призрачное потом", когда-нибудь… Их, этих самых планов, не было даже в списке желаний на новый год. Я просто стерла себя из собственного будущего.

Я ведь ехала туда всего лишь в отпуск. На один месяц...

Возвращение в исходную точку спустя десятилетие — это особый, изощренный вид ментальной казни. Это психологический триллер, где в роли главного палача выступаешь

ты сам. Поезд замедляет ход, колеса издают этот знакомый, въевшийся в подсознание скрежет, и ты выходишь на перрон вокзала, который за эти годы не изменился ни на йоту. Тот же сероватый асфальт, те же облупившиеся перила, тот же запах креозота, сырости и застывшего времени.

В этот момент ты физически ощущаешь, как на тебя многотонной плитой наваливается прошлое. Воздух становится густым, тяжелым, его трудно вдыхать. А прямо там, чуть дальше по платформе, в этой самой ранимой точке взросления, меня впервые парализовал мой самый первый, глубокий, разрушительный детский стыд. Стыд, заставивший меня надолго забыть, что любые ошибки юности были не клеймом, а просто частью моего пути.

Из старого привокзального буфета всё так же, как и десять лет назад, густо пахло пережаренными пирожками и дешевым кофе — точно такой же запах стоял здесь в день, когда я уезжала отсюда покорять мир. А вот и я сегодняшняя: уставший чемодан, солидный жизненный багаж за плечами и полная, пугающая неизвестность впереди.

Привет, родной город. Я вернулась. Не ждали? Я всегда любила сюрпризы, но этот превзошел все ожидания. Я ведь ехала сюда налегке, даже не позаботившись о приличном пальто на осень, потому что в тот момент еще совершенно не знала, что этот отпуск“ затянется, и мне придётся здесь задержаться, немного больше, чем я планировала.

Подъезжаем. Ещё несколько минут — и поезд, издав дол-

гий, тяжёлый вздох, окончательно замирает у платформы. Сердце начинает стучать где-то в горле..

Я делаю шаг, другой, и призраки прошлого начинают оживать прямо перед глазами. Вот здесь совсем еще юная Аня десять лет назад совершала свои первые, глупые, но такие нужные ошибки — влюблялась не в тех, безоглядно верила фальшивым словам и отчаянно искала свое место в мире, заставивший меня надолго забыть, что промахи юности были не клеймом, а просто частью моего пути.

Тогда я еще не знала, что имею полное, абсолютное право оступаться и пробовать снова. Поезд замирает. Хлопает тяжёлая дверь тамбура, обдавая меня сырым вокзальным воздухом, и я спускаюсь по металлическим ступенькам вниз и я спускаюсь на перрон, говоря спасибо проводнику — за то, что эта долгая, изнурительная дорога в плацкарте наконец осталась позади. Все эти километры, всю эту бесконечную колесную перекличку я жила только одной мыслью: я смогу ее обнять.

Я судорожно ищу среди встречающих мою дочь. Мы не виделись целый год. Год, за который мой мир успел перевернуться и рухнуть. И вот я вижу её в толпе. Шаг, другой — и мы наконец обнимаемся. Так крепко, до хруста в костях, словно в этих объятиях можно спрятаться от любого шторма. Она протягивает мне пакет: оказывается, прямо к поезду купила суши — просто потому, что помнит, как сильно я их люблю. И в этой простой, бесхитростной детской заботе

тепла было больше, чем во всех моих красивых, но пустых браках.

Анатомия детского стыда: вытертое платье и фантомная неправильность

Этот стыд имел вполне конкретные материальные очертания. Он пах дешевым стиральным порошком и выглядел как короткое, вытертое до дыр школьное платье, из которого я давно, безнадежно выросла. Юбка едва прикрывала колени, ткань на локтях истончилась до состояния марли, а я изо всех сил старалась втягивать плечи и казаться меньше, невидимее, чтобы никто не заметил моей бедности.

Мои родители не были плохими людьми. Они просто жили в эпоху, когда так жили абсолютно все, и в нашем доме банально, до скрежета в зубах, не хватало денег даже на самую простую еду. Покупка новой одежды на смену старому платью казалась непозволительной, космической роскошью.

К этому материальному убожеству примешивался другой, куда более горький дефицит. Мой отец оставил нас с мамой, когда мне было всего три года. Уходя, он оставил мне тяжелое наследство — фоновое, несмываемое ощущение собственной неправильности“. Я росла с глубоким внутренним убеждением, что в моем фундаменте с самого рождения есть скрытая трещина, из-за которой меня невозможно любить просто так, без условий. Цену этой любви мне пришлось придумывать самой: я решила, что её нужно заслуживать, вымаливать, круглосуточно доказывая свое право на суще-

ствование примерным поведением, отличными оценками и бесконечным, удушающим удобством для окружающих

Этот детский стыд незаметно, на цыпочках перекочевал со мной во взрослую жизнь. Я думала, что, купив билет в один конец и уехав в большой город, я оставлю его на том самом перроне. Какая наивность. Стыд ехал со мной в одном купе, устроившись на багажной полке. Взрослея, строя карьеру, меняя прически и окружение, я продолжала слышать его тихий, ядовитый шепот. Он ежечасно нашептывал мне на ухо, что я все еще та самая девочка в куцем платье. Что я хуже других. Что все мои успехи — это лишь временная ошибка системы, случайность, и я недостойна хорошего обращения, уважения или счастья просто так, по праву своего рождения.

Из-за этого внутреннего цензора у меня долгое время не было по-настоящему близких, глубоких друзей. В любых отношениях — дружеских, рабочих, приятельских — я вечно оглядывалась на чужие слова, ловила чужие взгляды и судорожно анализировала поступки. В моей личной системе координат кто-то другой всегда априори казался умнее, красивее, успешнее, породистее и правильнее. Я добровольно отдавала корону первенства любому встречному, заранее соглашаясь на роль второго плана.Но самый главный, самый разрушительный мой стыд заключался даже не в этом. Он заключался в том, что я панически, до ментальной тошноты боялась взять свою жизнь в собственные руки.

Я бежала от этой ответственности, как от огня, потому что взять жизнь в свои руки — это значит полностью, безоговорочно опираться на саму себя. А как опереться на то, что ты считаешь сломанным и неправильным“? Чтобы управлять своей судьбой, нужно сначала научиться себе доверять. Верить, что твои решения — верные, твои чувства — истинные, а твои желания имеют значение. Нужно любить и ценить себя не за что-то, не за выслугу лет или чужое одобрение, а просто по праву рождения. Нужно уважать свой внутренний голос выше любого чужого мнения.

Но я была лишена этого базового, фундаментального права — права быть автором собственной жизни. Я не верила, что справлюсь сама, без костылей и подпорок. Именно поэтому я так отчаянно искала тех, кто сделает это за меня, перекладывая на мужчин неподъемную обязанность сделать меня счастливой. Я панически боялась остаться один на один со своей свободой — этой огромной, пугающей бескрайностью, где нет ориентиров и подсказок. Из-за этого страха я шаг за шагом уступала собственную силу, отдавая другим право управлять моей жизнью, словно штурвал от корабля в глухом тумане. Я наивно верила, что они знают дорогу лучше. И не понимала тогда, что, вручая им этот невидимый пульт от своих выборов и поступков, я добровольно соглашалась на медленное, тихое ментальное самоубийство. Я позволяла им настраивать громкость моих чувств, глушить мои истинные желания и переписывать под себя партитуру моей

собственной души.

Иллюзия спасителей и цена растворения

Я слишком долго ждала помощи извне. Мне казалось, что если я сама по себе «неправильная», то должен прийти кто-то сильный, взрослый, мудрый, кто починит меня, санкционирует мое счастье и выдаст индульгенцию на благополучную жизнь. Я упорно искала спасителей. Мужчины в моей жизни становились не просто партнерами, а фигурами библейского масштаба, на которых я возлагала неподъемные надежды. Я буквально вручала им пульт управления своей судьбой, требуя: «Сделай мне не больно, сделай мне безопасно».

Когда я выходила замуж в первый раз, я была полна романтического идеализма. Я свято, слепо верила, что мы пройдем рука об руку до самой глубокой старости. Мне казалось, что наша любовь — это что-то крепкое, незыблемое, способное выдержать любые штормы, кризисы и бытовые невзгоды. Я строила семейный очаг с упорством фанатика, заглядывала в глаза, предугадывала желания. Но шторм начался внутри самой системы, и это «что-то» рассыпалось в песок, оставив меня, выброшенную на берег, с огромным багажом боли, разочарования, не желания жить.

Со вторым мужем сценарий усложнился. Здесь я уже не искала тихой гавани, я надеялась на масштаб. Мне казалось, что мы — два зрелых человека — вместе построим что-то грандиозное, масштабное, надежное. Бизнес, статус,

красивый дом, стабильное будущее. Я снова включила свою привычную суперсилу: растворилась в партнере без остатка. Я вкладывала в этот союз весь свой колоссальный ресурс — эмоциональный, интеллектуальный, физический. Я была идейным вдохновителем, тылом, кризис-менеджером, поваром и психотерапевтом в одном флаконе. Я всё ещё думаю, что я что-то упустила из виду, какую ещё роль я забыла сыграть: куртизанки, садовника, идеальной фасадной жены? Я примерила на себя все возможные маски, обслуживая чужую жизнь, но этого всё равно оказалось мало.

Но очень скоро выяснилось, что мерилом его мира— всегда оставались исключительно деньги. Твердая, осязаемая валюта. Мой колоссальный, изнуряющий ежедневный труд, мои бесконечные уступки, мои растоптанные амбиции и принесенные в жертву интересы были полностью обесценены. Их никто не замечал, их не считали за вклад, просто потому, что их невозможно было посчитать на калькуляторе и перевести на банковский счет. Мои душевные затраты имели нулевую стоимость в его системе координат. Если ты не приносишь в дом мешки с золотом, то все твои усилия — это просто фоновый шум, обязанность, бесплатное приложение к их сияющей жизни.

И вот круг замкнулся. Спустя годы блужданий по лабиринтам чужих ожиданий, я оказалась ровно там, откуда начинала. Самое горькое во всем этом то, что я годами несла ответственность за поступки совершенно другого человека.

Я платила по чужим счетам — и в буквальном, и в метафизическом смысле. Я до последнего оправдывала, защищала, разгребала последствия чужих ошибок и глупостей, а в итоге... в итоге снова оказалась в ситуации «всё сначала». Тотальный дефолт. Обнуление по всем фронтам.

Спустя годы блужданий по лабиринтам чужих ожиданий, я оказалась ровно там, откуда начинала. Самое горькое во всем этом — я напрочь лишила себя права на собственные ошибки, потому что была слишком занята обслуживанием чужих. Я годами несла ответственность за поступки мужчин, которые были рядом. Я платила по их долгам — финансово, своими нервами, бесконечно сглаживая углы. В первом браке я отдавала свой ресурс, пока за моей спиной оплачивались счета любовницы. Во втором — предательство было другим, системным, когда меня ежедневно помножили на ноль, обесценивая всё, что я делаю. Но самое страшное предательство во всей этой истории совершила я сама. Предательство по отношению к себе: я добровольно сливала свою жизнь, здоровье и время, пока весь мой колоссальный ресурс просто уходил на обслуживание тех, кто этого никогда не ценил — и кто меня попросту не заслуживал.Я до последнего оправдывала их слабости, защищала их перед миром и разгребала последствия их глупостей, растрачивая себя до капли. Я думала, что спасаю семью, а на самом деле просто позволяла им ошибаться за мой счет. И в итоге этого слепого спасательства я оказалась в точке тотального дефолта. Обнуление

по всем фронтам. Где мне было снова стыдно за себя.

Затянувшийся отпуск и окончательное кораблекрушение

Ирония судьбы заключается в том, что географически я вернулась в бытовые условия, которые оказались даже хуже, чем те, из которых я когда-то в ужасе бежала. Десять лет назад я уезжала из скромной, бедной квартиры, но у меня были амбиции и молодость. Теперь я вернулась в стены, которые буквально кричат о разрухе и упадке. И это бьет по самолюбию с утроенной силой.

Ведь изначально я ехала сюда всего лишь в отпуск. Обычный, банальный отпуск на один месяц, чтобы перевести дух, навестить близких и немного переждать шторм в делах. Я думала: «Посижу тридцать дней в тишине, наберусь сил и вернусь обратно в свою большую, сложную жизнь». Но у судьбы были совершенно другие планы. Резко, как по щелчку пальцев, навалились тяжелые семейные обстоятельства. Мне пришлось задержаться. Неделя шла за неделей, месяц сменялся месяцем.

И именно здесь, в этой затянувшейся, вынужденной паузе, мой второй брак окончательно и бесповоротно пошел ко дну. Знаете, как тонет корабль в штиль? Медленно, страшно, когда вода сантиметр за сантиметром заполняет трюмы, а ты ничего не можешь сделать. На самом деле, ни с работой, ни с мужем ничего не получалось уже очень давно. Кризис зрел годами, фундамент прогнил, но я до последнего, с упор-

ством утопающего, цеплялась за иллюзию, что смогу выгрести. Я пыталась спасти то, что спасти было уже невозможно. На самом деле я давно уже не верила в эту повторяющуюся историю — не верила, что если я еще немного потерплю, если еще раз уступлю или найду какие-то новые, правильные слова, то сказка вернется. Иллюзий не осталось. Но самое главное — я больше физически не хотела и не могла совершать эти пустые, привычные действия. Этот ресурс иссяк. А ничего другого я в тот момент еще не придумала, не знала, как действовать иначе, и противопоставить этой катастрофе мне было банально нечего.

Признать крах собственной жизни — это колоссальный труд. Признать, что красивой сказки со счастливым концом не случилось, что ты совершила кучу ошибок, доверилась не тем людям и потеряла время — это уже не вызывало внутреннего яростного сопротивления, но я задыхалась физически. Начинать все прямо здесь, с нуля, в этом сером, застывшем во времени городе? Нет, это казалось невозможным. Я провалилась в глухое, оглушающее чувство вины перед самой собой и жгучего стыда перед окружающими. Мне казалось, что на моем лбу огромными буквами написано слово «Неудачница».

Кладбище надежд как единственный прочный фундамент

Это понимание пришло не сразу. Каждый прожитый здесь день шаг за шагом возвращал меня мне самой. Каждый раз-

говор с моей дочерью, каждый её взгляд и слово давали мне колоссальные силы и прибавляли уверенности в завтрашнем дне. Ради неё и ради себя я просто не имела права сломаться.

Но падение на самое дно имеет один неоспоримый плюс: от него можно оттолкнуться. В какой-то момент, среди ночных слез и глухого отчаяния, во мне что-то щелкнуло. Перегорел какой-то предохранитель, который отвечал за жалость к себе.

Я поняла: да, я стою сейчас метафорически на перроне этого серого, провинциального города. Да, вокруг меня те же унылые пейзажи. Но на этот перрон сошла уже совершенно другая Анна. Не та, которая устала бороться и не хотела признать поражение. Не та испуганная девочка в куцем платье, которая сжималась от каждого шороха и ждала, что ее полюбят за хорошую учебу или бесконечное удобство. На этот раз с подножки вагона спустилась женщина, которая прошла через огонь, воду и медные трубы взрослой, жесткой жизни.

Да, этот город — кладбище моих надежд. Каждая улица, каждый перекресток здесь напоминают о том, что не сбылось, что сломалось и рассыпалось. Но ведь если вдуматься, кладбище — это место, где всё уже окончательно умерло. Там нет полутонов. Там все точки над «i» уже расставлены.

И это приносит странное, почти пугающее облегчение. Мои иллюзии относительно спасителей? Они умерли, и я сама закопала их поглубже. Моя слепая вера в то, что кто-то оценит мои жертвы и уступки? Умерла. Моя детская потреб-

ность быть для всех хорошей и правильной? Тоже мертва. Оплакивать больше абсолютно нечего. Прошлое мертво, а значит, оно больше не имеет надо мной прежней мистической власти. Оно больше не может причинить мне боль.

И среди этого ментального пепелища, на этих дымящихся руинах моей прежней жизни, у меня осталась одна-единственная, но самая главная, железобетонная опора — моя память. И эту опору у меня никто не сможет отнять: ни бывшие мужья, ни кризисы, ни этот депрессивный город.

Это память о привычке к лучшей жизни. Я слишком хорошо, до мельчайших деталей помню, каково это — быть успешной. Я помню вкус свободы, когда ты сама принимаешь решения и ни перед кем не отчитываешься. Я помню ощущение сытости — не только физической, но и ментальной.

Я помню, каково это — просыпаться утром с чувством уверенности в завтрашнем дне, смотреть в зеркало и уважать ту женщину, которую ты там видишь. Я слишком хорошо, до мелочей помню, каково это — жить нормальной, спокойной жизнью. Когда ты заходишь в магазин и покупаешь ту одежду, которая тебе действительно нравится, а не ту, на которую хватило со скидкой. Когда ешь вкусную, качественную еду, а не считаешь копейки до зарплаты.

Я помню это удивительное чувство, когда ты находишься среди уверенных, спокойных людей, которые занимаются любимым делом, строят планы и просто радуются жизни, а

не пытаются каждый день как-то доползти до кровати и выжить.Это память о привычке к лучшей жизни.

Я слишком хорошо, до мельчайших деталей помню, каково это — просыпаться утром с чувством уверенности в завтрашнем дне, смотреть в зеркало и уважать ту женщину, которую ты там видишь.

А не выживать. И бороться. Ведь живя там, в тех удушающих отношениях, я в какой-то момент просто перестала узнавать себя. Женщина, которая смотрела на меня из зеркала, казалась мне абсолютно с потухшим, измученным взглядом. Это была не я — это была бледная, уставшая тень, которая тратила себя на обслуживание чужих интересов.

И я зубами, намертво держусь за эту память. Она — мой кислородный баллон здесь, под толщей местной безысходности. Я очень надеюсь — и эта надежда была единственным, что спасало меня тогда и примиряло с действительностью, я верю сейчас всем сердцем, что эта память окажется сильнее моего липкого детского стыда. Она просто физически не позволит мне смириться с этой нищетой — нищетой финансовой и, что гораздо страшнее, нищетой душевной.Она не даст мне утонуть в местной серости, раствориться в нытье, апатии и согласиться на малое .

Этот город помнит меня разной. Но больше всего он помнит меня молодой, упрямой, голодной до жизни и по-хорошему злой. Той девчонкой, которая часами сидела над книгами, которая строила планы вопреки всему миру, которая

умела говорить «нет» и сжимала кулаки, когда ей говорили, что у нее ничего не выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.